

Международный суд как средство поддержания международного мира: сравнительный анализ предложений Л. А. Камаровского и Г. Кельзена

Валентина Ржевская*

В статье сравниваются проекты международных судебных органов Л. А. Камаровского (1881) и Г. Кельзена (1944) в особенности с точки зрения возможного участия международного судебного органа в решении задачи поддержания международного мира. В обоих проектах международный суд рассматривается как важное средство поддержания международного мира, а также учреждение международного суда связывается с созданием международной организации. Существенной общей чертой обоих проектов, которая отличает их от существующего Международного Суда ООН, является участие международных судебных органов в контроле за исполнением своих решений. Однако в проекте Л. А. Камаровского международный суд лишь косвенно участвует в поддержании международного мира и безопасности, тогда как в проекте Г. Кельзена применение принудительных мер в отношении нарушителя международного мира зависит от решения международного суда.

→ *Международный Суд ООН, судебный орган международной организации, изучение международного права, развитие международного правосудия, проекты международных судебных органов, поддержание международного мира и безопасности, принудительные меры*

Введение

Принадлежа к числу главных органов ООН, Международный Суд разделяет их ответственность за поддержание международного мира и безопасности. Его возможности и пределы возможностей в этой сфере установлены его Статутом и Уставом ООН, исходя из того, что главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности в системе органов ООН возложена на Совет Безопасности.

Значение международного судебного органа как средства поддержания международного мира и безопасности было осознано довольно давно, и это осознание было отра-

жено в проектах создания международных судебных органов или международных организаций по поддержанию мира. Сравнительный анализ хотя бы некоторых из этих проектов позволяет проследить, как менялось отношение к роли международного суда как средства поддержания мира в ходе истории, и чем существующее в настоящее время действительное отличается от предполагавшегося желаемого.

Среди этих предложений представляют интерес, в частности для сравнения их между собой, мысли Леонида Алексеевича Камаровского о создании международного судебного органа, изложенные им в докторской диссертации «О международном суде» (за-

* Ржевская Валентина Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Института международных отношений Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (e-mail: valya_rzhevskaya@mail.ru).

щищена в 1881 году) и положения о международном суде в проекте Пакта Постоянной Лиги для поддержания мира Г. Кельзена, опубликованном им как дополнение к работе «Мир через право» (Peace through Law) в 1944 году. Возможность для сравнения этих проектов создается прежде всего тем, что они принадлежат к сменившим друг друга историческим этапам развития международного права. Предложения Л. А. Камаровского были сформулированы еще до Первой мировой войны, и некоторые из них были учтены при создании Постоянной Палаты Третейского Суда, Постоянной Палаты Международного Правосудия и, затем, Международного Суда ООН. По замечанию У. Батлера, Л. А. Камаровский представлял себе международный суд как последнюю ступень в развитии институтов, предназначенных для защиты прав и, следовательно, как «высший орган человеческого правосудия на Земле»¹. Проект Г. Кельзена, в котором Суду отведено существенное место, появился тогда, когда общество уже имело опыт двух мировых войн, деятельности международной межправительственной организации по поддержанию мира и связанного с ней постоянного международного судебного органа. При этом создание международного суда с обязательной юрисдикцией представлялось Г. Кельзену первым этапом такого развития международного правопорядка, которое будет направлено на более эффективное поддержание мира².

Формирование состава Суда

Л. А. Камаровский предлагал несколько способов формирования состава международного суда, так как, по его мнению, система формирования должна будет меняться со временем. Для начала Л. А. Камаровский считал предпочтительной систему назначения судей правительствами, так как именно сформированному таким образом суду правительства будут

доверять больше, чем суду, который сам назначает своих членов. Затем, однако, «когда в народах утвердится доверие к суду и выработается настоящая судебная практика»³, можно будет, по мнению Л. А. Камаровского, перейти к системе выбора судей самим судом, вследствие чего суд получит большую внутреннюю независимость. Наконец, назначение судей должно быть предоставлено международным конгрессам, когда они будут организованы на новых началах.

По мнению Л. А. Камаровского суд должен был включать 60 судей, исходя из тех принципов, что все государства, будучи равными между собою, имеют право назначать одинаковое число судей, и что суд должен включать не менее двух членов «от каждого самостоятельного и признанного государства»⁴. При этом Л. А. Камаровский оговаривал, что «полусамостоятельные государства не имеют голоса, сложные или федерации считаются за один политический союз»⁵. Кандидатов на пост международных судей должны были выбирать академии или юридические факультеты университетов «либо совместно, либо по известной очереди»⁶. На том этапе, когда, по предложению Л. А. Камаровского, формировать состав суда должны были правительства, процедура назначения судей должна была определяться по общему правилу внутренними законами государств, но, по замечанию Л. А. Камаровского, парламенты («палаты»), участвуя в акте назначения, не должны были, тем не менее, иметь при назначении большого влияния как «политические собрания»⁷. В качестве образца Л. А. Камаровский предлагал следующую процедуру: академии и юридические факультеты университетов вносят определенное число кандидатов в списки, которые с мотивами предоставляют министру юстиции; министр юстиции представляет двух или одного из кандидатов, «смотря по обстоятельствам»⁸, на утверждение верховной власти.

¹ Батлер У. Граф Л. А. Камаровский и создание международного суда // Камаровский Л. А. О международном суде / Под общ. ред. Л. Н. Шестакова. М.: Зерцало, 2007. С. XXXIX.

² Tournayе C. Kelsen et la sécurité collective. Paris: Université Panthéon-Assas (Paris II), 1995. P 41.

³ Камаровский Л. А. О международном суде / Под общ. ред. Л. Н. Шестакова. М.: Зерцало, 2007. С. 425.

⁴ Там же. С. 425.

⁵ Там же. С. 425.

⁶ Там же. С. 425.

⁷ Там же. С. 425.

⁸ Там же. С. 425.

Л. А. Камаровский предлагал установить следующий перечень требований к личности кандидатов в члены международного суда: 1) «все, что нужно для лиц судебного ведомства вообще (отсутствие телесных недостатков, неопороченная честь, окончание с успехом полного курса юридических наук)»⁹, 2) теоретическая подготовка в течение 4-х лет, оканчивающаяся экзаменом, 3) практическая подготовка также в течение 4-х лет в форме работы, например, секретарем при международном суде или же несения «всякой другой службы»¹⁰, которая была бы способна ознакомить кандидатов на практике «с характером и ходом государственных дел»¹¹ 4) строгая нравственность, 5) возраст не моложе 35 лет. Смещены со своей должности судьи могли быть только судом. Занимать свою должность судьи должны были до достижения 65–70 лет, после чего суд должен был «приглашать их к сложению своей должности»¹².

Согласно проекту Г. Кельзена, Суд должен был включать 17 членов, назначаемых из числа лиц, обладающих высокими моральными качествами, являющимися экспертами по международному праву.

Совет Лиги не должен был принимать участия в выборах судей. Каждое правительство государства-члена Лиги должно было предлагать верховным судам, факультетам правоведения и юридическим учебным заведениям соответствующего государства, а также национальным академиям и национальным секциям международных академий, посвященных исследованию права, назначить два лица, способные взять на себя обязанности членов Суда. (По всей видимости, таким образом в проекте Г. Кельзена была учтена статья 6 Статута Постоянной Палаты Международного Правосудия, впоследствии — статья 6 Статута Международного Суда, согласно которой национальным группам Постоянной Палаты Третейского Суда при предложении кандидатов в члены Суда рекомендуется запрашивать мнение высших су-

дебных установлений, юридических факультетов, правовых высших учебных заведений и академий своей страны, а также национальных отделений международных академий, занимающихся изучением права)¹³. Только одно из этих лиц могло быть гражданином соответствующего государства. Разные учреждения одного государства, как и учреждения разных государств, могли назначить одно лицо. Каждое правительство должно было вписать лицо, номинированное учреждениями своего государства, в список, который должен был быть отослан Генеральному Секретарю Лиги.

Генеральный Секретарь Лиги должен был подготовить список всех предложенных таким образом лиц, состоящий из двух частей. Первая половина списка должна была включать лица, назначенные учреждениями, не имевшими с ними общей национальности. Порядок размещения этих лиц в списке должен был определяться количеством иностранных государств, чьи учреждения предложили соответствующее лицо: тот, кого предложили учреждения из большего числа иностранных государств, опережал того, кого предложили учреждения из меньшего числа иностранных государств, а тот, кого предложили не только иностранные учреждения, но и учреждения своего государства, опережал тех кандидатов, кто был предложен таким же числом иностранных государств, но не был предложен ни одним учреждением своего государства. Лица, предложенные одинаковым количеством государств (включая и их государства), должны были делиться на классы в зависимости от числа учреждений, которые их предложили. В случае, если их предложило одинаковое количество учреждений, они размещались в списке в алфавитном порядке. Тот же принцип применялся к лицам, назначенным учреждениями только одного иностранного государства. Вторая половина списка должна была состоять из лиц, предложенных учреждениями своих государств. Эти лица должны были размещаться в списке в алфа-

⁹ Камаровский Л. А. Указ соч. С. 426.

¹⁰ Там же. С. 426.

¹¹ Там же. С. 426.

¹² Там же. С. 427.

¹³ См.: статья 6 Статута Постоянной Палаты Международного правосудия. URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/documents/1920.12.16_statute.htm (дата обращения: 23.04.2013). А также статью 6 Статута Международного Суда ООН. URL: <http://www.un.org/ru/ict/statut.shtml> (дата обращения: 23.04.2013).

витном порядке названий их государств. В пределах каждой группы государств претенденты должны были делиться на классы в зависимости от количества учреждений их государств, предложивших их.

Первые 9 лиц из первой половины списка должны были считаться назначенными членами Суда. Еще 8 должна была избирать из второй половины списка Ассамблея Лиги по принципу большинства. Отдельное голосование должно было проводиться для каждого из 8 мест. Если при двух или трех голосованиях большинство не определялось, 9 назначенных судей должны были избрать судью из второй половины списка.

Таким образом составленный список экспертов должен был обновляться каждые четыре года. Председателя и его заместителя должен был избирать сам суд сроком на три года¹⁴.

И Л. А. Камаровский, и Г. Кельзен стремятся обеспечить высокую профессиональную пригодность, моральные качества и независимость членов будущего международного суда. Кроме этого необходимо обеспечить доверие государств к суду — этот вопрос Л. А. Камаровский надеется решить с помощью роли правительств в комплектовании суда, а Г. Кельзен — с помощью избрания судей наибольшего авторитета, имеющих признание как у себя на родине, так и международное. При формировании состава суда у Л. А. Камаровского большая роль принадлежит национальным министрам юстиции, у Г. Кельзена — верховным судам, юридическим учебным заведениям и исследовательским учреждениям. Оба автора согласны в том, что формирование состава международного суда должно осуществляться с помощью международной организации, но для Л. А. Камаровского создание такой организации — проблема будущего. Этой проблемы не существует для Г. Кельзена, который проектирует свой международный суд уже как один из главных органов международной организации.

Обращаясь теперь к вопросу о влиянии этих предложений на практику создания международных судебных учреждений, следует сказать, что первое из пожеланий Л. А. Камаровского (для начала судей назначают правительства) было, по-видимому, воплощено в жизнь при создании Постоянной Палаты Третейского Суда, ставшей как бы предварительным этапом перед созданием Постоянной палаты международного правосудия. Согласно статье 44 I Гаагской конвенции «О мирном решении международных столкновений», список Постоянной Палаты Третейского Суда формируется так: «Каждая Договаривающаяся держава назначает не более четырех лиц, которые были бы известны своими познаниями в вопросах международного права, пользовались бы полнейшим личным уважением и выразили бы готовность принять на себя обязанности третейского судьи»¹⁵. При создании Лиги Наций, а затем ООН, формирование состава соответствующего судебного органа (Постоянной Палаты Международного Правосудия и Международного Суда ООН) было поручено международной организации, что в общем соответствует пожеланиям обоих авторов. При этом национальные группы Постоянной Палаты Третейского Суда стали субъектами, формирующими список кандидатов для избрания членов соответствующих судебных органов¹⁶. Однако было отвергнуто пожелание Л. А. Камаровского об установлении связи между составом суда и количеством самостоятельных и признанных государств, возможно, прежде всего, потому, что судьи международного судебного органа не являются представителями государств. Не было учтено также пожелание Г. Кельзена, чтобы в выборе судей не принимал участия Совет соответствующей международной организации. Оно, по всей видимости, и не могло быть учтено, с учетом важности роли Совета Безопасности в системе органов ООН.

¹⁴ Kelsen H. Covenant of a Permanent League for the Maintenance of Peace // Tournaye C. Kelsen et la sécurité collective. Paris: Université Panthéon-Assas (Paris II), 1995. P. 104–106.

¹⁵ См.: статья 44 Конвенции о мирном решении международных столкновений. (Гаага, 18 октября 1907 года). URL: http://zakon4.gada.gov.ua/laws/show/995_938/print1370979141228158 (дата обращения: 23.04.2013).

¹⁶ См.: статья 4 Статута Постоянной Палаты Международного Правосудия. URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/documents/1920.12.16_statute.htm (дата обращения: 23.04.2013). А также статью 4 Статута Международного Суда ООН. URL: <http://www.un.org/ru/ici/statut.shtml> (дата обращения: 23.04.2013).

Юрисдикция/компетенция

Л. А. Камаровский полагал, что юрисдикция («ведомство») международного суда будет определяться самими государствами на добровольных началах: суд будет рассматривать те дела, которые государства добровольно ему передадут, однако они примут на себя юридическую обязанность повиноваться решению суда, поскольку решение «состоялось в пределах права (то есть международного и процессуального)»¹⁷. Государства должны были также иметь право устанавливать для себя в международных соглашениях обязанность обращаться в международный суд в определенных случаях. Так, по мнению Л. А. Камаровского, «круг ведомства» международного суда должен был определяться «ходом самой жизни»: «с редких и маловажных случаев вначале, он постепенно обнимет все большую и большую массу дел»¹⁸. Почему «круг ведомства» суда должен будет неуклонно расширяться, а не, наоборот, остаться крайне узок? Л. А. Камаровский считал, что международный суд первоначально создается лишь для тех государств, которые будут добросовестно желать мира, но затем все большее число государств будет устанавливать для себя обязанность обращаться к суду, исходя из понимания своих интересов.

Л. А. Камаровский изложил, тем не менее, свои предложения насчет территориальной и предметной юрисдикции суда.

Территориальная юрисдикция суда, по мнению Л. А. Камаровского, должна была распространяться только на государства Европы и Америки и только на отношения между ними, но могла со временем расширяться на другие регионы мира, если бы их государства согласились признать правовые начала деятельности суда. «Словом, область его применения очерчивается действием положительного европейского международного права и будет с ним вместе расширяться. Поскольку деспотии Азии *наперед* обязуются повиноваться началам этого права и будут их

прилагать, постольку компетенция международного суда может распространяться и на них. Но это расширение повлечет к умножению членов суда, а может быть (что нам кажется лучше), к созданию особых судов по частям света»¹⁹. Следует признать, что предположения Л. А. Камаровского насчет создания региональной международной юстиции оправдались.

Что же касается предметной юрисдикции, Л. А. Камаровский настаивал на том, чтобы исключить из нее все внутренние дела государств и ограничить ее только юридической стороной межгосударственных отношений. «Другими словами, суд разбирает лишь такие споры и те стороны в них, которые, на основании положительного международного права или новых соглашений между спорящими, поддаются объективной, юридической оценке»²⁰.

Некоторое представление о том, как Л. А. Камаровский видел будущую предметную компетенцию международного суда дает изображенная им структура этого органа; она же позволяет увидеть, насколько сильно отличалось видение Л. А. Камаровским системы международного права от современного нам. Суд, по мнению Л. А. Камаровского, должен был включать четыре департамента: дипломатии, военных и морских дел, частного международного права и социального международного права. При этом департамент дипломатии должен был рассматривать споры не только в сфере дипломатического права, но и в сфере права международных договоров и, по-видимому, основ международно-правового регулирования межгосударственных отношений, определенных в международных договорах (заниматься «толкованием трактатов и спорных в них пунктов»²¹); к ведению департамента военных и морских дел относилось применение права вооруженных конфликтов, как оно признавалось европейскими государствами «в какой бы то ни было форме (трактатов, деклараций или обычаев)»²², а также все споры о призах,

¹⁷ Камаровский Л. А. Указ соч. С. 427.

¹⁸ Там же. С. 428.

¹⁹ Там же. С. 428—429.

²⁰ Там же. С. 429.

²¹ Там же. С. 429.

²² Там же. С. 429.

о нарушении нейтралитета в морской войне и связанные с этим жалобы частных лиц. Департамент частного международного права должен был рассматривать споры о коллизиях не только гражданских, но и уголовных законов, а также споры в сфере международного уголовного права: к ведению именно этого департамента должны были относиться споры о выдаче преступников, а также осуществление суда над политическими преступниками и «анархистами, отвергающими всякий общественный спор между людьми»²³. Компетенция департамента социального международного права предполагалась весьма разнообразной: сюда должны были относиться международное транспортное право, охрана здоровья («меры против повальных болезней»²⁴), защита права интеллектуальной собственности. Л. А. Камаровский определял ведомство этого департамента как «такие споры, которые имеют неполитический характер, не касаются отдельных частных лиц, но которые возникают, собственно, из *общественных* задач государств, и притом задач не *узконационального*, а *мирового* характера. Это новейший вид отношений, призванный в будущем к громадному развитию»²⁵.

Л. А. Камаровский предлагал также наделить суд полномочиями по международному правотворчеству (содействию «к изданию международных законов и их кодификации»²⁶), признавая все же, что эта функция не является судебной, а потому окончательная редакция «проектов международных законов»²⁷, предложенных судом, должна принадлежать международным конгрессам, «организованным на иных, сравнительно с современными, началах»²⁸. Еще одно предложение Л. А. Камаровского состояло в том, чтобы наделить суд функцией посредника в международных спорах, а также правом высказывать свое мнение «по всем международным спорам вообще и в тех случаях, когда стороны предпочитают обойтись без него»²⁹ (последнее, види-

мо, следует рассматривать как аналог права суда давать консультативные заключения, с тем отличием, что, в представлении Л. А. Камаровского, консультативные заключения должны были даваться судом по своей инициативе, а не по запросу кого-либо).

Согласно проекту Г. Кельзена (ст. 31 проекта Пакта) Суд должен был быть полномочен решать любой спор между членами Лиги, переданный в Суд любой стороной спора. Таким образом, Суд должен был обладать обязательной юрисдикцией для всех членов Лиги — черта, которой не было у Постоянной Палаты Международного Правосудия и нет у Международного Суда ООН. Суд мог также решать спор между членом Лиги и государством — нечленом Лиги (ст. 32 проекта Пакта), если последнее путем заявления, депонированного в Суде, примет положения статей 33—36 Пакта о правах и обязанностях члена Лиги для целей такого спора³⁰. (Это напоминает положения статьи 17 Пакта Лиги Наций, предусматривавшие для государств-нечленов Лиги возможность принять обязательства по членству в Лиге для целей решения международного спора)³¹.

В проекте Г. Кельзена речь не идет о компетенции суда давать консультативные заключения и о каких-либо полномочиях суда в сфере создания «проектов международных законов» или систематизации международного права. По всей видимости, потребность в этих функциях должна исключаться благодаря тому, что суд наделен обязательной юрисдикцией в отношении всех споров всех членов Лиги, а также предполагается, что уже существует международная межправительственная организация, одним из органов которой является и суд, и которая может взять на себя задачу способствовать международному правотворчеству, систематизации и совершенствованию международного права.

Итак, в том, что касается юрисдикции, данные проекты международных судебных

²³ Камаровский Л. А. Указ соч. С. 430.

²⁴ Там же. С. 430.

²⁵ Там же. С. 430.

²⁶ Там же. С. 430.

²⁷ Там же. С. 432.

²⁸ Там же. С. 432, примечание.

²⁹ Там же. С. 433.

³⁰ Kelsen H. Op. cit. P. 109.

³¹ См.: статья 17 Пакта Лиги Наций. URL: http://www.avalon.law.yale.edu/20th_century/leagcov.asp (дата обращения: 23.04.2013).

органов основываются на совершенно различных принципах: юрисдикция только на основе согласия спорящих сторон для каждого случая (или в определенных случаях на основе ранее заключенного международного соглашения) в предложениях Л. А. Камаровского и обязательная юрисдикция в отношении любого международного спора в проекте Г. Кельзена. Следует, видимо, признать, что для целей использования международного суда для поддержания международного мира и безопасности вариант Г. Кельзена предпочтительнее: он не позволяет одной или обеим сторонам международного спора уклониться от его судебного рассмотрения по причине отсутствия юрисдикции суда. Но также очевидно, что получить согласие государств на такой статут международного судебного органа куда труднее.

В отношении влияния этих предложений на практику следует напомнить, что как Статут Постоянной Палаты Международного Правосудия, так и Статут Международного Суда ООН (в обоих случаях — ст. 36) отражают именно тот принцип, согласно которому суд рассматривает дела, добровольно переданные ему сторонами, и обязанность обращаться в международный суд может быть установлена международными соглашениями. Так, согласно статье 36 Статута Постоянной Палаты Международного Правосудия, юрисдикция Палаты включала все дела, переданные ей сторонами, и все вопросы, специально предусмотренные действующими договорами и конвенциями³². В формулировке статьи 36 в Статуте Международного Суда были добавлены также все вопросы, специально предусмотренные Уставом Объединенных Наций³³. Обязательная юрисдикция Суда (а ранее — Палаты) может быть установлена на основании заявления государства. Таким образом, предпочтение здесь отдается предложениям Л. А. Камаровского, хотя функции содействия изданию и кодификации «международных законов» и посредника в международных спорах не были переданы Суду по причине создания для этих целей других международных органов.

Применимое право

Л. А. Камаровский дает краткие, но достаточно подробные инструкции в отношении того, какое право должен применять предлагаемый им судебный орган. «При постановке решения международный суд обязан руководиться теми общими началами положительного международного права, которые в какой бы то ни было форме признаны сторонами. При выборе между этими формами проявления права устанавливается такая градация: 1) трактаты (новейшие отменяют прежние); 2) обычаи (общие перевешивают, как и в трактатах, частные); 3) положительные законы и декларации государств и 4) мнения таких юристов, которые пользуются всеобщим авторитетом»³⁴. При этом предложены также правила в отношении того, как влияет на действия суда признание или непризнание права сторонами: «1) в отличие от третейского суда, он отклоняет разбирательство споров, если обе стороны этого права не признают или в уклонение от него создадут в компромиссе начала, по *духу* ему противоречащие, причем толкование этих начал принадлежит суду; 2) в случае признания этого общего права хотя бы *одной* из сторон, суд применяет его без оговорок; 3) мнения известных юристов и собственное мнение о праве, согласное с сознанием цивилизованного человечества, но не получившее либо еще никакой положительной формы или принятое пока немногими третьими государствами, суд применяет лишь с согласия сторон»³⁵.

Сравнивая теперь предложения Л. А. Камаровского с действующей редакцией статьи 38 Статута Международного Суда, определяющей источники права, которые применяет Суд, мы видим, что из рекомендованных Л. А. Камаровским источников в статью 38 попало три: международный договор, международный обычай и доктрины наиболее квалифицированных специалистов, причем именно в той последовательности, в которой они перечислены у Л. А. Камаровского. Влияние его предложений на Статут Между-

³² См.: статью 36 Статута Постоянной Палаты Международного Правосудия. URL: http://www.worldcourts.com/pcij/eng/documents/1920.12.16_statute.htm (дата обращения: 23.04.2013).

³³ См.: статью 36 Статута Международного Суда ООН. URL: <http://www.un.org/ru/icc/statut.shtml> (дата обращения: 23.04.2013).

³⁴ Камаровский Л. А. Указ соч. С. 435.

³⁵ Там же. С. 435.

народного Суда, таким образом, очевидно. Однако есть и несколько существенных отличий между предложениями Л. А. Камаровского и статьей 38: Л. А. Камаровский устанавливает явную градацию между видами источников права (трактаты должны применяться прежде обычаев) и включает в перечень источников права, которые должен применять суд, также акты национального права. Последнее не было воспринято не статьей 38 Статута Постоянной Палаты Международного Правосудия, ни статьей 38 Статута Международного Суда. В Статуте Международного Суда появилось даже специальное замечание, что Суд «обязан решать переданные ему споры на основании международного права»³⁶. Любопытен подход Л. А. Камаровского к общим принципам права: он не упоминает их в качестве отдельного вида источников права, которые может применять международный суд, но прямо называет только один из них — *lex posterior derogat priori*, «закон последующий отменяет предыдущий», — который должен будет применяться в деятельности международного судебного органа, причем, видимо, только к договорам. В отношении как договоров, так и обычаев Л. А. Камаровский предлагает также руководствоваться принципом «общие перевешивают частные», что может быть прочитано как противоположность принципа *lex specialis derogat generali*, «закон специальный отменяет закон общий». Можно усмотреть влияние предложений Л. А. Камаровского на текст Статута Постоянной Палаты Международного Правосудия, а позднее — Статута Международного Суда также в следующем: Л. А. Камаровский пишет о возможности для Суда применить с согласия сторон «собственное мнение о праве, согласное с сознанием цивилизованного человечества», а в Статуте Постоянной Палаты Международного Правосудия и Статуте Международного Суда среди источников права значатся «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями». Мы видим также, что в статутах созданного судебного органа не были восприняты рекомендации Л. А. Камаровского в отношении того, как должно влиять на применение права судом признание

этого права сторонами: Международный Суд применяет конвенции, «устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами», тогда как Л. А. Камаровский полагал, что для применения «начал права» достаточно признания их хотя бы одной из спорящих сторон; зато для применения «доктрин наиболее квалифицированных специалистов» Международному Суду не необходимо согласие спорящих сторон, предполагавшееся Л. А. Камаровским, хотя «доктрины» и рассматриваются в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм.

Статья 33 проекта Пакта Г. Кельзена, определяющая право, которое должен был применять Суд при решении спора, предельно упрощена по сравнению со статьей 38 Статута Постоянной Палаты Международного Правосудия и статьей 38 Статута Международного Суда ООН. В ней речь идет не об источниках права, а о праве, как таковом. Согласно части 1 статьи 33 проекта Пакта Г. Кельзена, разрешая споры, указанные в статьях 31 и 32, Суд применяет нормы международного права (*the rules of International Law*). Общие принципы права, признанные цивилизованными нациями, считаются частью международного права (ч. 2 ст. 33 проекта Пакта). Суд решит спор *ex aequo et bono*, если стороны с эти согласятся (ч. 3 ст. 33 проекта Пакта)³⁷.

Можно отметить, что в проекте Г. Кельзена исправлена терминологическая неточность: суд применяет не «источники права», а «нормы права» как таковые, независимо от источников. Отсутствие в проекте Г. Кельзена перечня источников международного права, к которым может или должен прибегать суд при разрешении споров, побуждает к мысли, что суд свободен в выборе источников международного права, подлежащих применению, однако обязан применять именно международное право. Положение о возможности разрешить спор *ex aequo et bono* при условии согласия сторон аналогично тому, что содержалось в статье 38 Статута Постоянной Палаты Международного Правосудия и ныне содержится в статье 38 Статута Международного Суда. По всей видимости,

³⁶ См.: статью 38 Статута Международного Суда ООН. URL: <http://www.un.org/ru/iccj/statut.shtml> (дата обращения: 23.04.2013).

³⁷ *Kelsen H. Op. cit. P.110.*

подход к определению применимого права, отраженный в проекте Г. Кельзена, должен способствовать большей независимости международного суда.

Исполнение решений

В предложениях Л. А. Камаровского обязанность сторон исполнить решение суда проистекала из их добровольного согласия на его юрисдикцию. Поэтому, добиваясь добросовестного исполнения государствами судебных решений, следовало взывать прежде всего к чести и самоуважению государств. «Тем непростительнее было бы с их стороны, если бы они, обратившись к его решению, потом произвольно не приняли бы его. Этим они нанесли бы нравственный ущерб себе, а не суду»³⁸. Общие рекомендации Л. А. Камаровского в отношении порядка действий в случае, если какая-либо из сторон спора не выполняет решения, выглядят так: сторонам должен предоставляться некий «известный срок»; если по его истечении одна из сторон будет «упорствовать в непринятии» решения, за другой остается право военного принуждения — «другая, в крайних случаях, удерживает право войны, которое теперь получает новую и высшую санкцию»³⁹. Кроме того, предлагался комплекс как военных, так и невоенных мер принуждения, которые должны были осуществляться в отношении не подчиняющегося решению суда государства от имени международного союза. Л. А. Камаровский придерживается того мнения, что эти меры «против такого открытого нарушителя международного права»⁴⁰ и порядок их применения будут разработаны практикой, но предлагает свой примерный перечень: «удаление на все время его противодействия членов его из среды суда; прекращение дипломатических сношений с ним со стороны всех остальных государств Европы; уничтожение с общего совета тех трактатов с ним, которые для него особенно выгодны; запрещение его подданным вступления на территорию остальных государств; закрытие рын-

ков и мест сбыта для его товаров; приведение в действие одною какою-либо державою, или даже, насколько возможно общими силами, блокады его берегов; наконец, даже война при тех же условиях»⁴¹. Все эти принудительные меры или подобные им должны были осуществляться «в пределах, строго очерчиваемых положительным правом и по специальному полномочию для каждого случая суда»⁴². Соответственно, возникает вопрос о создании международной организации, которая применяла бы эти принудительные меры от имени международного союза, — и Л. А. Камаровский подводит читателя к мысли о возможности создания такой организации.

Сравнение этого перечня принудительных мер, предложенного Л. А. Камаровским, с текстом статей 41 и 42 Устава ООН позволяет говорить о некотором влиянии мысли Л. А. Камаровского на соответствующие положения Устава: в обоих случаях речь идет о применении против нарушителя вначале мер, не связанных с использованием вооруженных сил, затем — о возможности применения военных принудительных мер в случае, если невоенные принудительные меры не приведут к желаемому результату (в Уставе ООН буквально — «могут оказаться недостаточными или уже оказались недостаточными»⁴³). Но в Уставе ООН речь идет о действиях в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии, осуществляемых на основе резолюций Совета Безопасности ООН (который не является судебным органом, и при этом все возможные угрозы миру, нарушения мира и акты агрессии не могут быть сведены только к неисполнению решений Международного Суда или других международных судебных органов), тогда как в предложениях Л. А. Камаровского речь шла только о мерах по отношению к государству, не исполняющему решение международного суда, и осуществляемых по инициативе этого суда. Еще один важный вопрос предложения Л. А. Камаровского оставляют открытым: осуществление «права войны» в отношении государ-

³⁸ Камаровский Л. А. Указ соч. С. 438.

³⁹ Там же. С. 438.

⁴⁰ Там же. С. 438.

⁴¹ Там же. С. 438.

⁴² Там же. С. 438.

⁴³ См.: статья 42 Устава ООН. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/> (дата обращения: 23.04.2013).

ства, не исполняющего судебное решение, которое сохраняется за добросовестно действующей стороной спора. Ничего не говорится о том, будет ли как-нибудь согласовано это право на индивидуальное военное принуждение с коллективными принудительными мерами, осуществляемыми от имени международного союза, и, если да, то каким образом. Остается предполагать, что при создании суда и международной организации этот вопрос неминуемо должен был бы быть урегулирован.

Согласно проекту Г. Кельзена все приказы и решения Суда должны были добросовестно исполняться государством-членом, определенным в приказе или решении (ст. 36 проекта). Если государство-член не исполняло этого обязательства, Совет Лиги по просьбе Суда или по своей инициативе должен был приказывать о необходимых мерах, предназначенных для того, чтобы обеспечить исполнение. В случае, если бы государство-член, не исполнявшее свое обязательство, возражало против приказа или решения, этот вопрос должен был быть урегулирован по решению Суда⁴⁴. Таким образом, Суду отводилась значительная роль в контроле за исполнением его решений: он был полномочен просить Совет о принятии мер, направленных на обеспечение исполнения решения.

При всех многочисленных отличиях, оба проекта международных судебных органов имеют важную общую черту: сам суд активно участвует в контроле за исполнением своих решений, хотя и не является единственной инстанцией, контролирующей их исполнение. Инициатива принятия принудительных мер по отношению к государству, не исполняющему решение, в обоих случаях исходит от суда (в проекте Г. Кельзена она может исходить также от Совета Лиги). Практика на универсальном уровне, как известно, пошла по другому пути: Международный Суд не предлагает применять принудительные меры в отношении государства, не исполняющего его решений. Согласно части 2 статьи 94 Устава ООН в случае, если какая-либо сторона в деле не выполнит обязательства, возложенного на нее решением Суда, другая

сторона может обратиться в Совет Безопасности, который может, если признает это необходимым, сделать рекомендации или решить о принятии мер для приведения решения в исполнение⁴⁵. Следствие этого положения — полная зависимость контроля над исполнением решений Международного Суда от Совета Безопасности (и от существующего порядка принятия решений Советом), что, конечно, содействует усилению Совета Безопасности в системе органов ООН, но в то же время ослабляет, по сравнению с анализируемыми проектами, роль Международного Суда, и — самое главное — в результате этого ответственность за неисполнение решений Международного Суда не является неотвратимой. (По крайней мере, не является неотвратимой в рамках механизма ООН, но отнюдь не исчерпывается этими рамками, так как государство, не исполняющее решение Суда, в любом случае подлежит ответственности за несоблюдение своих международных обязательств в соответствии с нормами права международной ответственности).

Суд и меры по восстановлению мира

Одна из существенных черт международного суда, как он был предложен Л. А. Камаровским, в том, что из юрисдикции суда полностью изымался вопрос о законности ведения войны. Тем не менее, основное предназначение международного суда Л. А. Камаровский видел в том, чтобы способствовать упрочению международного мира, то есть уменьшению количества войн. Суд должен был содействовать достижению этой цели, во-первых, как орган мирного разрешения международных споров на основе права, всегда находящийся в распоряжении тех государств, которые действительно пожелали бы им воспользоваться; во-вторых, благодаря своему участию в развитии международного права. По мнению Л. А. Камаровского, «международный суд... мало-помалу создаст правильную юрисдикцию для тех, кто на самом деле и добросовестно будет желать мира»⁴⁶. В-третьих, как уже отмечалось, потребность обеспечить применение коллективных при-

⁴⁴ Kelsen H. Op. cit. P. 110.

⁴⁵ См.: часть 2 статьи 94 Устава ООН. URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/> (дата обращения: 23.04.2013).

⁴⁶ Камаровский Л. А. Указ соч. С. 428.

нудительных мер к государствам, не исполняющим решение суда, должна была привести к созданию международной организации, предназначенной для поддержания мира. По мысли Л. А. Камаровского, полномочия на принятие коллективных принудительных мер к нарушителям должны были исходить от международного суда, но утверждаться представительными органами государств, — по видимому, органами такой международной организации: принудительные меры «нуждаются в *утверждении* со стороны конгрессов, в свою очередь *преобразованных* по международным и представительным началам»⁴⁷.

В связи с необходимостью использовать международный суд как орган, который должен содействовать поддержанию мира, но не может предлагать государствам больше, чем то, на что можно разумно ожидать их добровольного согласия, особо важным вопросом становилось отношение суда к спорам, где «идет речь о существовании, независимости и национальной неприкосновенности государств»⁴⁸, — спорам, которые Л. А. Камаровский оценивал как «наиболее важные и жгучие»⁴⁹. По его мнению, область этих прав должна будет постепенно и естественно сужаться в связи с развитием международной юстиции, так как государства должны будут согласиться на международно-правовые ограничения и вместе с тем — международно-правовые гарантии суверенитета. «Государства придут к сознанию, что юридическое (а не политическое) *определение и ограничение их самодержавия есть лучшее его упрочение*»⁵⁰. До тех пор, пока это положение не будет достигнуто, могли применяться сформулированные Л. А. Камаровским рекомендации: 1) из компетенции международного, как и любого другого суда, полностью изымаются вопросы, связанные с реализацией указанных прав в сфере внутренних дел государств; 2) «народы всегда удерживают право отразить всякое нападение на их территорию без обращения к юстиции»⁵¹; 3) при возникновении международных споров об

указанных правах международный суд мог, как уже упоминалось, исполнять роль посредника между спорящими сторонами — по желанию сторон и не постановляя обязательного решения, но давая советы «в видах смягчения односторонних претензий спорящих»⁵², а также осуществлять консультативную компетенцию — высказывать свое мнение по любым международным спорам. «Словом, он не должен пропускать ни одного случая, который, по его мнению, может содействовать либо выяснению, либо развитию начал международного права»⁵³.

Мы видим, что, согласно предложениям Л. А. Камаровского, должно было всегда сохраняться право на самооборону в случае нападения на территорию (правда, Л. А. Камаровский не использует непосредственно этот термин — «право на самооборону» и называет как его субъект «народы», а не государства). Не предполагалось, что деятельность международного судебного органа или связанной с ним международной организации может как-либо ограничить это право — по крайней мере, такие ограничения специально не оговаривались.

Согласно проекту Г. Кельзена на каждом из членов Лиги, одним из органов которой являлся суд, лежало обязательство не прибегать к войне либо репрессалиям против другого члена Лиги, за исключением прямо предусмотренных Пактом Лиги случаев (ст. 34 проекта Пакта Лиги). Применение экономической или военной силы по общему правилу могло носить только характер централизованного принуждения в отношении правонарушителя. Прямо предусмотренное право на индивидуальную или коллективную самооборону в этом проекте отсутствовало, но вопрос о законности применения силы членом Лиги должен был в каждом случае решаться Судом. Порядок применения санкций в отношении государств-членов определялся статьей 35, согласно которой, в случае, если любой из членов Лиги прибегнет к войне или репрессалиям против другого члена Лиги,

⁴⁷ Камаровский Л. А. Указ соч. С. 439.

⁴⁸ Там же. С. 432.

⁴⁹ Там же. С. 432.

⁵⁰ Там же. С. 432.

⁵¹ Там же. С. 432.

⁵² Там же. С. 433.

⁵³ Там же. С. 433.

Суд, по просьбе пострадавшего члена или Совета Лиги, должен решить, нарушил ли Пакт обвиняемый член Лиги. В соответствии с этим решением Совет Лиги должен назначить необходимые экономические или военные санкции против члена, объявленного ответственным за нарушение⁵⁴. Таким образом, проект Г. Кельзена не допускал никаких военных или других принудительных действий государств до решения Суда, и применению санкций в каждом конкретном случае должно было предшествовать решение Суда о том, произошло ли нарушение Пакта Лиги.

В этом одно из главных, возможно, самое главное отличие между анализируемыми проектами международных судебных органов с точки зрения возможности использования международного суда в целях поддержания международного мира и безопасности. В предложениях Л. А. Камаровского международный суд совершенно лишен полномочий рассматривать вопрос о законности применения силы, но косвенно содействует поддержанию международного мира и безопасности (в том числе — участвуя в контроле за исполнением своих решений). В проекте Г. Кельзена международный суд не только обязан рассматривать вопрос о законности применения силы в каждом конкретном случае, но и от его решения зависит применение к нарушителю принудительных мер, назначенных Советом Лиги, который обязан действовать в соответствии с решением Суда (ст. 35 проекта Пакта)⁵⁵. Таким образом, Суд становится центральным звеном в осуществлении мер по поддержанию международного мира от имени международного сообщества. Следствие введения и функционирования такой системы в том, что ею исключаются вопросы «возможно ли создание угрозы миру или нарушения мира, которое не будет являться нарушением международного права?», «возможны ли разные позиции Суда и Совета организации в отношении одной и той же международной ситуации, потенциально угрожающей международному миру и безопасности?», так как при такой системе любые меры против нарушителя мира всегда будут мерами реализации ответственности за нарушение международно-правового обязательства, реализация

этой ответственности всегда основывается на решении правоприменительного органа — Суда, и Совет организации, назначая экономические или военные принудительные меры, всегда обязан соотноситься с этим решением. Как известно, Совет Безопасности ООН согласно Уставу ООН самостоятельно констатирует наличие угрозы миру, нарушению мира и актов агрессии, и не обязан справляться по этому поводу о мнении Международного Суда или какого-либо другого международного судебного органа. Это ослабляет роль Международного Суда как органа, применяющего международное право, в системе поддержания международного мира и безопасности и на практике может порождать вопросы о значении международного права в деятельности Совета Безопасности, перечисленные выше.

Заключение

Существенные различия между рассматриваемыми проектами международных судебных органов в значительной мере обусловлены особенностями исторических эпох развития международного права, к которым принадлежат эти проекты. В наиболее обобщенной форме эти различия можно сформулировать так: в эпоху, к которой принадлежат предложения Л. А. Камаровского (II половина XIX в.), получили достаточное распространение практика решения межгосударственных споров путем использования международной арбитражной процедуры и представление о том, что такой способ решения межгосударственных споров может быть действенным средством поддержания международного мира. Однако поддержание международного мира и безопасности еще не было закреплено в качестве цели международного права; такой целью признавалась прежде всего защита государственного суверенитета. Любые международно-правовые средства поддержания мира должны были, таким образом, предлагаться в такой форме, чтобы прежде всего выглядеть приемлемыми с этой точки зрения: они должны были быть совместимы с государственным суверенитетом и не вызывать тревогу государств как какие-либо его

⁵⁴ Kelsen H. Op. cit. P.110.

⁵⁵ Ibid. P.110.

чрезмерные ограничения. Эпоха появления проекта Г.Кельзена (1944 год) отмечена осознанием того, что поддержание международного мира с необходимостью должно быть закреплено в качестве одной из целей международного права, что повлекло за собой изменение представлений о допустимых международно-правовых ограничениях государственного суверенитета и характере суверенитета вообще. Кроме того, в эту эпоху уже существовал опыт функционирования постоянного международного судебного органа общей юрисдикции, связанного с международной организацией, чьей целью являлось поддержание международного мира (и которую следовало рассматривать как не достижимую цели). Этот опыт взаимодействия судебного органа с подобной организацией мог и должен был быть проанализирован, могли быть сделаны рекомендации насчет улучшения взаимодействия ради большей эффективности новой организации. Ожидали вариантов ответов такие вопросы, как установление характера связей между организацией и таким судебным органом, а также конкретно определенная роль международного судебного органа в поддержании международного мира.

И Л. А. Камаровский и Г. Кельзен считали международный суд важным средством поддержания прочного международного мира и отводили ему существенную роль в решении этой задачи. Но Л. А. Камаровский представлял себе следующую цепочку: вначале — учреждение международного суда, затем — укрепление его авторитета и расширение юрисдикции, после — создание международной организации вследствие необходимости обеспечивать деятельность суда, в частности, обеспечивать применение принудительных мер от имени международного союза по отношению к государствам, не исполняющим судебные решения, и, наконец — поддержание международного мира как результат деятельности такой организации и международного суда. Решение проблемы поддержания мира, таким образом, приобрело почти что вид «каши из топора»: для того, чтобы создать соответствующую новую форму организации международного союза нужно было вначале создать международный суд, а затем «добавлять другие ингредиенты», то есть «пристраивать» к нему международную

организацию. Поэтому все предложения Л. А. Камаровского по учреждению постоянного международного суда направлены на то, чтобы вызвать и затем укреплять доверие государств к этому органу, и выдвигать условие обязательной юрисдикции международного суда по всем международным спорам Л. А. Камаровский не считал возможным. Г. Кельзен, имея в качестве материала для анализа опыт функционирования Лиги Наций и Постоянной Палаты Международного Правосудия, видел проблему иначе: создается международная организация, одним из главных органов которой является судебный орган с обязательной юрисдикцией в отношении любых международных споров, имеющих также полномочия определять, законным или незаконным было в каждом случае применение силы членами этой организации, и эта организация осуществляет задачу поддержания мира при значительном участии международного суда.

Видимо, наиболее существенной общей чертой обоих проектов и одновременно — чертой, отличающей их от Международного Суда, следует признать участие предлагаемых судебных органов в контроле за исполнением своих решений. К наиболее существенным отличиям, помимо подходов к определению юрисдикции суда, принадлежат также подходы каждого из авторов к непосредственной организации участия судебного органа в деле поддержания мира: у Л. А. Камаровского суд вообще не имеет права рассматривать вопрос о законности применения силы и в поддержании международного мира участвует косвенно, тогда как в проекте Г. Кельзена суд непременно решает вопрос о законности применения силы, и применение принудительных мер в отношении нарушителя международного мира поставлено в зависимость от его решения.

Сравнение обоих проектов позволяет утверждать, что существующий Международный Суд с точки зрения его места и возможностей в системе международно-правовых гарантий поддержания международного мира и безопасности является «чем-то средним» между этими двумя проектами или находится «на полпути» между ними. Он может рассматривать вопрос о законности применения силы, и его обязательная юрисдикция может быть установлена, в том числе, в отношении

этого вопроса; однако согласно Уставу ООН мнение Международного Суда не является необходимым при определении наличия угрозы миру, любого нарушения мира и актов агрессии, так как это является компетенцией лишь Совета Безопасности ООН, Международный Суд не участвует в определении мер по поддержанию и восстановлению мира и в контроле над исполнением своих решений. В целом, полномочия Международного Суда и Совета Безопасности согласованы так, чтобы исключить для Совета конкуренцию со сто-

роны Суда. Таким образом, сравнительный анализ предложений Л. А. Камаровского и Г. Кельзена и их сопоставление с полномочиями Международного Суда позволяют нам лучше увидеть, как политические интересы и согласие государств на конкретный объем полномочий международного судебного органа определили существующие на данный момент пределы его возможностей участвовать в поддержании международного мира и безопасности по сравнению с теоретическими разработками.